

Татьяна Соловьева

Длинноногие иероглифы китайнок

*Если нефрит не полируется,
Он не может стать полезным.
Если человек не учится,
Он не узнает добродетели
честности и праведности.*

Так говорится в «Сань цзы цзин» — «Троесловном каноне» учебных текстов, составленном в XIII веке в империи Сун.

Касалась эта китайская апофегма, естественно, лишь мужчин.

Женской добродетелью в конфуцианском Китае образованность не считалась — женщина никак не могла быть приравнена к мужчине уже потому, что они принадлежали к разным мировым началам инь и ян. А Конфуций вообще открыто упрекал слабый пол в глупости: *«У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной — сколько у двух».*

Жизненный уклад женщин также определялся конфуцианской этикой, которая предписывала женщине «три покорности»: в молодости — отцу, после замужества — мужу и его родителям, в старости — детям. О том же гласило древнее китайское присловье: *«Если я выйду замуж за птицу, я должна летать за ней; если выйду замуж за собаку, должна следовать за ней всюду, куда она побежит; если выйду замуж за брошенный комок земли, я должна сидеть подле него и оберегать его».*

Китайская история меж тем сохранила немало имен прекрасно «недобродетельных» женщин, не уступающих мужчинам ни образованностью, ни талантом.

Первая женщина-историк времен династии Хань Бань Чжао (45—116) была главой императорской библио-

теки, преподавала дочерям и придворным дамам классическую литературу, астрономию и математику, завершила написание истории династии Восточная Хань, начатой ее рано умершим братом, историком Бань Гу. Ее кисти принадлежат научные трактаты, комментарии к философским трудам, книга о путешествии по Китаю и красивые стихи. Прославил Бань Чжао также трактат «Ню цзе» — «Наставления женщинам», в котором она высказывала крамольные для ее времени мысли о том, что девочки, которые традиционно были исключены из системы образования, должны получать такое же классическое образование, как и мужчины.

Вэй Шо (272—349), жившая в эпоху Цзинь, стала самой известной в истории Поднебесной женщиной-каллиграфом, одним из создателей уставного стиля китайского письма кайшу, которое получило широкое распространение в повседневной жизни и оказало огромное влияние на дальнейшее развитие каллиграфии. Более того, *кайшу*, или «уставное письмо», считается основным стилем китайской письменности до сих пор.

Цай Вэньци, дочь литератора Цай Йи из Восточной Хань, была знатком не только поэзии и каллиграфии, но также математики, астрономии, музыки, а в научных дебатах легко побеждала ученых мужей.

Сюэ Тао (768—831), талантливая артистка времен династии Тан, изобрела специальную цветную бумагу, так называемую красную бумагу Сюэ Тао, чтобы использовать ее для записи своих стихов вместо обычной желтовато-серой. По рецепту госпожи Сюэ

Мемориал
Сюэ Тао
(768—831) –
китайской
поэтессы
и куртизанки
эпохи Тан

ее делали из коры и листьев гибискуса с добавлением рисовой соломы, сока герани и зеленых орхидей.

Ли Цинчжао (1084—1151) из провинции Шаньдун империи Сун преуспела в поэзии, живописи и каллиграфии. По всей видимости, госпожа Ли обладала не только дарованиями, но и независимым характером, среди ее стихотворений есть критикующие никчемного и слабого императора вместе со всем двором.

А чего стоит судьба Шангуань Ванэр (664—710), которую называют одной из четырех самых талантливых женщин Древнего Китая! Внучка придворного, она попала во дворец ребенком, когда дед и другие мужчины ее семьи были казнены за заговор против императрицы У Цзэтянь – первой и единственной женщины в Китае, которая приняла императорский титул «хуанди» и на протяжении сорока лет правила страной (событие, не имевшее прецедентов в истории Поднебесной). Когда Ванэр было 13 лет, императрица прочла ее стихи и была так впечатлена написанным, что назначила девушку своим личным секретарем. Отныне юная поэтесса играла важную роль в политике и государственных делах, а ее утонченный почерк, известный по официальным документам того времени, узнаваем и поныне. Когда после смерти У Цзэтянь трон занял

ее сын Чжунцзун, он не только сделал госпожу Ванэр своей любимой наложницей, что, по обычаям китайского двора, давало ей положение, равное положению официальной жены, но и назначил канцлером. На этом посту Шангуань Ванэр в 708 году участвовала в создании императорской академии наук и искусств, была арбитром в состязаниях поэтов и принимала государственные экзамены у мужчин – кандидатов на чиновничьи должности. Жизнь Ванэр, впрочем, закончилась печально: как и ее дед, она была казнена за попытку государственного переворота.

И это лишь некоторые имена интеллектуалок, выхваченные наугад из прежних времен. Почти все они были *гуйсиу* – дочерьми богатых и влиятельных аристократов, а, значит, имели бóльшую степень свободы и могли получить хорошее образование – в отличие от девушек низких сословий, которым полагалось просыпаться рано, ложиться спать поздно, много работать, неустанно ткать, шить и пряхть, быть скромными, послушными и безоговорочно служить мужчинам. В китайском патриархальном обществе отношение к женщинам было неуважительным, а иногда даже и жестоким. Из-за бедности девочек часто продавали в публичные дома, где в лучшем случае они становились наложницами, в худшем – рабынями.

Однако в многотысячелетней истории Поднебесной всегда найдется нечто, что самым неожиданным образом может сломать любые стереотипы, в том числе и традиционный взгляд на женскую грамотность. Именно таким стало открытие в центре Юго-Восточного Китая слоговой системы письменности, которой издревле пользовались исключительно простые китайянки, потому что им запрещалось учить *наньшу* – «мужское письмо», то есть традиционные китайские иероглифы. Особенно же поразительно, что, несмотря на многовековое существование женского письма, или *нюйшу*, как звучит его название по-китайски, до середины XX столетия о нем ничего известно не бы-

ло. Образцы *нюйшу* были обнаружены местными краеведами из провинции Хунань лишь в 1950-е годы. Ученые мира о китайском женском письме узнали и того позже — лишь в конце двадцатого века.

600—700-ми символами этого оригинального письма записывались слова на местном диалекте, на котором и сегодня говорят жители уезда Цзяньюн провинции Хунань, обитающие между реками Сяо и Юнмин. *Нюйшу* иногда называют тайным письмом, тщательно охраняемым от мужчин, однако для сильного китайского пола секретом письменные занятия супруг не были. Известны даже случаи, когда жены обучали мужей читать свои записи. Впрочем, ни одного факта использования этой письменности самими мужчинами нет — относились они к женскому письму свысока, придумав для него забавные прозвища: «кэдовэнь» — «письменность головастиков», «вэньцзяоцзы» — «иероглифы с комариными ножками», «чжанцзяо вэньцзы» — «длинноногая письменность».

Элегантные вытянутые завитки, нанесенные тонкими штрихами, впрямь были чем-то похожи на длинноногих цапель и, кажется, не имели ничего общего с квадратными китайскими иероглифами. Но это не совсем так. В основе женского письма лежал тот же принцип, что и в основе классической китайской письменности. Писали на нем сверху вниз и справа налево, как и в традиционном китайском, а многие знаки *нюйшу* напоминали иероглифы *кайшу*. Также они имели большое сходство с древнейшим иньским иероглифическим письмом, получившим название в честь раннего царства Шан-Инь, существовавшим в 1554—1046 годах до н. э, где были обнаружены первые письменные знаки на панцирях черепах, бронзовых, нефритовых и керамических изделиях. Некоторые исследователи даже полагают, что *нюйшу* непосредственно восходит к иньскому письму, что вроде логично: провинции Хэнань, где располагалось царство Шан-Инь и Хунань, где в оби-

Чжан Сюань. Веер с изображением покровительницы женщин лунной богини Чаньэ с Нефритовым кроликом. VIII век. Музей императорского дворца, Пекин

ходе была женская письменность, входят в состав единого региона Китая. Но чем больше сведений удастся собрать ученым, тем вероятнее представляется независимое изобретение знаков *нюйшу*. Звучит потрясающе: простолюдники из провинциальных китайских деревень — сотворцы величайшего открытия человеческого духа!

Каждый знак *нюйшу* соответствовал конкретному слогу или звуку. Это позволяло написать большее количество слов при помощи ограниченного количества символов, что, по мнению ученых, делало женское письмо самым революционным и эффективным упрощением китайской письменности за всю ее историю.

А вот когда и кем был выведен первый знак, неизвестно.

По одной из легенд, этим иероглифам женщин Цзяньюна научила служанка небесной царицы Ванму, очарованная их мастерством вышивальщиц. Но чаще происхождение *нюйшу* народное предание связывает с именем Ху Юйсинь, наложницы Чжэ-цзуна, китайского императора династии Сун, правившего в 1085—1100 годах. Во дворец она была привезена из Цзяньюна и всегда чувствовала себя здесь чужой, сильно тоскуя по красоте родных мест, величественным скалам, поросшим древними лесами, журчащим по склонам прозрачным ручьям. Свои чувства Юйсинь изливала, вышивая на шелковом покрывале придуманные изящные иероглифы. Со случившейся оказией девушке удалось отправить его в пода-

рок близким, и с тех пор женщины ее родных мест сделали эти иероглифы своим особым письмом, передавая их от матерей к дочерям.

В предшествующие эпохи *нюйшу* было одной из составляющих многих деревенских обрядов и занимало немаловажное место в жизни женщин. Этим письмом китайки записывали стихи, песни и легенды на бумаге или веерах, но чаще использовали его в рукоделии, вышивая красивыми иероглифами молитвы и послания богам на платочках, чтобы в праздник принести их в храм.

Большой пласт сохранившихся артефактов составляли письма друг другу *лаотун* — названных сестер, которых матери начинали подыскивать своим дочерям, едва те появлялись на свет. О таких союзах часто договаривались так же, как о брачных, выбирая *лаотун* по дате рождения и советам деревенских предсказателей. Обычно это были девочки одного возраста и схожего социального положения, которые вместе росли в детстве, дружили в юности и сохраняли родственные связи, становясь замужними женщинами, хотя, согласно обычаю, мужья увозили их после свадьбы в другие деревни. Встречаться названным сестрам удавалось не чаще двух-трех раз в году, на ярмарках или храмовых праздниках. В остальное же время они писали друг другу письма.

Особенно знамениты вышитые на поясах и платках поэтические поздравления и пожелания счастливой семейной жизни. Они получили название *саньчжаошу* — «послания третьего дня» — так как по обычаю мать, родственницы и названные сестры отправляли их новобрачной на третий день после свадьбы. Саньчжаошу должны были напоминать ей о де-

вичестве и родном доме. В посланиях ровесниц звучала печаль расставания и просьбы не забывать их, а мать и тетки часто писали о долге перед новой семьей и советовали новобрачной быть тихой, покладистой и покорной женой. Другой вид *саньчжаошу* — послания свекрови новой невестке описывали традиции и порядки семьи, в которую ее приняли.

Находок образцов «длинноногой письменности» — немного, к настоящему времени их обнаружено не более тысячи. Столь малое количество, по всей видимости, объясняется тем, что на протяжении веков женщин хоронили вместе с их дневниками и вышивками *нюйшу*. Традиция сжигать личные вещи вместе с умершими, чтобы они могли воспользоваться ими в загробной жизни, была распространена во многих китайских провинциях. Кроме того, множество памятников с изображением женских иероглифов было уничтожено в 1930-х, когда Китай оккупировали японцы, принявшие их за зашифрованными шпионскими донесениями. Новая волна преследования *нюйшу* относится уже ко временам «культурной революции» и борьбы с суевериями. Были и естественные причины, почему традиции женского письма изжили себя — новый закон о браке и социально-экономические реформы, в том числе связанные с образованием, изменили роль женщины в обществе.

В последние десятилетия правительство КНР стало поощрять изучение и сохранение этой уникальной письменности. Впрочем, красивые иероглифы, которыми китайки рассказывали некогда о своей жизни, радостях и горестях, переживаниях и страхах, в истории мировой культуры свое заслуженное место уже заняли.

О любви, печали и многогранности китайской иероглифики

Поэтесса Су Хуэй, жившая в IV веке, была дочерью мирового судьи Су Даочжи из провинции Шэньси. В пятнадцать лет ее выдали замуж за государственного чиновника Доу Тао, который увез юную жену в провинцию Ганьсу. Какое-то время они были счастливы

вместе, но потом Доу Тао, как того требовало его положение в обществе, взял наложницу. Любящее сердце Су Хуэй было уязвлено, она ревновала, устраивала сцены, наговаривала на соперницу и в конце концов совсем рассорилась с мужем. Возможно, со временем женщина успокоилась бы, смирилась с происшедшим, и в семье все наладилось, однако ситуация осложнилась переводом Доу Тао на службу в соседнюю провинцию Сяньян. В сердцах Су Хуэй отказалась последовать за ним и его новой возлюбленной, и после отъезда супруг прервал с ней всякие отношения.

Су Хуэй, оставшись одна, затосковала. Переполюбявшие ее чувства одиночества, печали, злости, сомнения и бесконечной любви к мужчине, который был смыслом ее жизни, она изливала в стихах, вышивая их пятицветными шелковыми нитями на большом парчовом свитке.

*Увы! Я томно вздыхаю
Над тем, кто с пути сбился.
Далекая пустынная тропа
Ранила мои сокровенные чувства.*

*В доме больше нет хозяина.
Прозрачные шторы в нише.
Лицо, равно украшенное,
В ярком зеркале сияет.*

*Орнаменты многократных отблесков
Жемчуг блестит, сверкает.
Так много мыслей нападают на меня.
Кого там удостоили чести?*

Когда свиток был готов, женщина отправила его мужу. Прочитав послание, растроганный Доу Тао расстался с наложницей и послал украшенную цветами колесницу, которая привезла Су Хуэй в Сяньян. Супруги помирились и прожили в любви и согласии много лет.

А «вращающееся, переворачивающееся и колышущееся изображение», как называла поэтесса свое творение, вошло в число шедевров не только китайской, но и мировой литературы как единственная из существующих поэма-палиндром, которая настолько уникальна по исполнению и сложна по композиции, что не вписывается ни в одну литературную традицию. Состояла она из 841 иероглифа, образующих квадрат 29 на 29 знаков, в пределах которого Су Хуэй вышла около 3000 четверостиший, вместе составляющих единое литературное произведение. Читать ее можно разными способами, двигаясь по квадрату в любом направлении: вправо или влево, по горизонтали, вертикали или диагонали, отчего, в зависимости от местоположения иероглифов, поэтические строки наполнялись новым смыслом.

Творение Су Хуэй положило начало одному из популярных жанров китайской литературы – *хуэйрен ши* – палиндромной поэзии, имманентной самой китайской иероглифике с присущими ей сложными и глубокими поэтическими ассоциациями и свойством, позволяющим читать письмена в любом направлении. История создания знаменитой поэмы-палиндрома обросла легендами, на протяжении веков описывалась в стихах, романах и пьесах. В средневековом Китае это было одно из самых знаменитых поэтических произведений, каллиграфы часто копировали отрывки из него, случалось, правда, ложно приписывая их известным поэтессам своего времени. Но дотошные исследовательницы восстановили имя автора. Вначале поэтесса и императрица У Цзэтянь (624—705) написала предисловие к поэме Су Хуэй, а позже поэтесса Чжу Шужэнь (1135—1180) посвятила ей большую исследовательскую статью. В правление династии Мин (1368—1662) изображение Су Хуэй было помещено в «У Шуан Пу» – «Таблицу несравненных героев» Поднебесной, а минские литераторы и интеллектуалы настолько увлеклись составлением новых композиций из стихов влюбленной поэтессы, что открыли целых 7940 способов его прочтения.